

ОПАСНЫЕ ОМУТЫ

ПРОЗА ВАЛЕРИЯ БОЧКОВА

ЛАУРЕАТ
«РУССКОЙ
ПРЕМИИ»

В А Л Е Р И Й
БОЧКОВ

К ЮГУ ОТ
ВИРДЖИНИИ

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Оформление серии *Петра Петрова*

Издательство выражает благодарность
Ирине Горюновой
за помощь в приобретении прав на книгу
и использование фото автора на переплете.

Бочков, Валерий Борисович.

Б86 К югу от Вирджинии / Валерий Бочков. —
Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Опасные омуты).

ISBN 978-5-699-78773-9

Когда красавица и молодой филолог Полина Рыжик решает сбежать из жестокого Нью-Йорка, не найдя там перспективной работы и счастливой любви, она и не подозревает, что тихий городок Данциг – такой уютный на первый взгляд – таит в себе страшные кошмары.

Устроившись преподавательницей литературы в школу Данцига, Полина постепенно погружается в жизнь местной общины и узнает одну тайну за другой. В итоге ей приходится сражаться за собственную жизнь и на пути к спасению нарушить множество моральных запретов, становясь совсем другим человеком...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-78773-9

© Бочков В., текст, 2015
© Оформление
ООО «Издательство «Эксмо»,
2015

Серьги из желтой железки напоминали тощих рыбок, в глазах краснели бусины, чешуйки неровными дугами были отчеканены на выпуклых боках. Полина приложила одну серьгу к уху, протиснулась к маленькому зеркалу, мутному и неудобному. Сложив губы уточкой, подвигала бровями. Продавщица, молодая, с грязноватой челкой на глазах, умирая от скуки, отколупывала лак с ногтей. Она изредка поглядывала на Полину. Больше в лавке никого не было.

Полина взглянула на часы — нужно было убить еще двадцать минут. Она опустила рыбок на стекло прилавка, те звякнули, девица лениво спросила:

— Берете?

Полина отошла, сделала неопределенный жест, всматриваясь в слепые корешки антикварных книг: Гете, Шекспир, рядом стоял путеводитель по Турции. Она вытащила Шелли начала

века, бережно пролистав сухие страницы, чайные по периметру и светлеющие к середине, поставила том обратно. Провела пальцем по бугристой корешку с остатками позолоты. Было бы здорово такую книгу подарить Саймону.

— А русских авторов нет? — Полина повернулась к прилавку. — Толстой там...

Девушка поглядела на нее из-под челки:

— Я про это не в курсе. Сережки брать будете?

Полина прищурилась, положила рыбок на ладонь, те в ответ поглядели лукавым глазом. Отступать было поздно — она кивнула.

— Вам завернуть? — чуть оттаяв, почти вежливо спросила девушка. — У нас подарочная упаковка. Блестящая, вот смотрите. И бесплатно. — Она была уверена, что Полина одна из тех нищих задрыг, которые все перероют, перемеряют, а после так и уйдут, ничего не купив.

— Спасибо, я их сейчас... — Полина, зажав сумку под мышкой, вытащила из мочек маленькие фальшивые бриллианты, сунула их в джинсы. — Я их прямо сейчас...

Продавщица, подцепив ногтем ценник, прилепила его себе на руку, ткнула пальцем в кассовый аппарат. Тот, радостно звякнув, выплюнул чек.

Полина вышла из лавки, пружина захлопнула дверь. Магазин был зажат между прачечной и мексиканской харчевней. Из обжорки воняло жареным луком, а из мрачного нутра прачечной несло химической свежестью. Полина поглядела

на часы, закурила. Еще десять минут. Прошлась, искоса поглядывая в отражение витрины. Поправила волосы, выдула тонко дым.

Солнце вспыхнуло, выскочив из толкотни облаков, которые неслись по диагонали вверх. Другая сторона улицы утонула в синем, дорогу с пыльным бульваром посередине перечеркнули полосы света. У столба остановился красный седан с открытым верхом; Полина, быстро спрятав руку за спину, уронила окурок на асфальт.

— Опять? — Саймон сделал строгое лицо. — Ведь договорились!

Он дотянулся и приоткрыл дверь. Полина кинула сумку назад, там было крошечное сиденье, очевидно, рассчитанное на карлика или пару мелких детей.

— Вот! — она покрутила головой, сверкнув рыбками. Чмокнула Саймона в скулу.

— Блесна. На щуку? — он резко воткнул передачу и дал газ.

До Саймона у Полины был Грэг. Он тоже учился в Колумбийском, только на международных отношениях. Грэг относился к старомодному типу, в университете таких было немало, казалось, что все они — холеные, румяные, с опрятной скобкой на крепкой шее состоят в родстве, что все они ходили в одну и ту же частную школу в Новой Англии и до сих пор, по привычке, одеваются в темно-синие блейзеры с гербом на кармашке. Ру-

башки бледных расцветок, лимонные и голубые, иногда розовые, аккуратно заправлены в серые штаны под тонкий ремень с латунной пряжкой.

Грэг оказался скучноватым педантом, впрочем, внимательным и нежным. В постели у него отчаянно потели бедра и икры, удивительно волосатые, при полном отсутствии растительности на бледной костистой груди. Он предпочитал одну позу — сверху, двигался осторожно, будто боясь там что-то повредить. Впрочем, он был достаточно ритмичен, а главное, неутомим и напоминал Полине опытного чистильщика сапог. Она иногда ловила себя на том, что мысли ее утекали из спальни куда-то вдаль и там бродили в безмятежной скуке. Она пыталась внести разнообразие в процесс, но, не встретив одобрения, постепенно сдалась. На носу маячила защита диплома, потом выпуск, а в ее постуниверситетские планы Грэг уже не входил.

В конце марта, неожиданно жаркого в эту весну, они стояли у гуманитарного факультета и ели подтаявшее мороженое. Полина при этом умудрялась курить, подавшись вперед и стараясь не закапать юбку. Грэг с кем-то поздоровался, Полина повернулась. Грэг представил ее. Профессор Саймон Лири пожал ей руку, крепко, чуть задержав ее ладонь в своей. Она смутилась, от мороженого ее рука была липкой.

Профессору было за пятьдесят — старая гвардия, знакомая ей по родительскому дому

в Нью-Джерси. Отцовские приятели, важные и неторопливые: покер, сигара, скотч в толстом стакане, иногда они оказывались остроумными, порой даже симпатичными. Но главное — запах, эта смесь горького табака, виски и пряного одеколona, этот дух вносил в мир порядок. Иногда под Рождество Полина получала от них десятидолларовые купюры. Эти мужчины знали жизнь, они твердо стояли на ногах и серьезно относились к своим удовольствиям: покер, рыбалка, скотч, сигары. Они знали цену справедливости. В них угадывалась основательность и надежность, таким вполне можно было доверить управлять миром.

Профессор Саймон обладал вкрадчивым голосом, седые виски переходили в жесткую пегую шевелюру, на подбородке гнездилась ямочка, которую (как Полина узнала потом) невозможно было чисто выбрить. В своем твидовом пиджаке с замшевыми локтями, вельветовых мешковатых штанах болотного цвета, мордатых ботинках свиной кожи он производил то самое впечатление надежности и напоминал ей старый отцовский саквояж, может, не такой стильный, но уж зато прочный и удобный для путешествий на любую дистанцию.

Полина отчего-то смутилась, на вопрос ответила сбивчиво, что диплом у нее по русской литературе, по Льву Толстому. Профессор хитро улыбнулся и, чуть помешкав, произнес:

— Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Акцент у него был жуткий, но впечатление на Полину профессор произвел. Грэг русского не знал, но тоже улыбался и довольно потирал ладони. Через неделю Грэг уехал в Европу.

Профессор Лири читал курс по истории холодной войны и еще что-то про распад коммунистического блока. Полина политикой не интересовалась, поэтому в аудиториях они не встречались. На кампусе он ей безразлично кивал или делал вид, что не замечает. Вообще, профессор соблюдал осторожность, встречались они в условном месте за пять кварталов вверх по Бродвею. На углу Сто тридцать шестой улицы, у антикварной лавки с синей дверью. Полине нравилась скрытность их связи, таинственность казалась ей романтической и переводила Полину в разряд взрослых. У нее теперь был не просто парень, у нее появился настоящий любовник.

Хотя и здесь амурные дела обстояли не совсем гладко. Профессор предпочитал говорить, он обожал, когда его слушают. Полина слушала. Профессор мог часами рассуждать о том, что именно информация убила коммунизм, что роль Горбачева в перестройке минимальна — изменения диктовались экономикой, что Рейган просто дурак и посредственный актер, случайно угодивший в президенты.

Профессор говорил, когда готовил, обычно он стряпал что-то итальянское: равиоли с грибами, сицилийские баклажаны, моцарелла с томатами, макароны с пармской ветчиной. Готовил Саймон артистично, смело импровизируя, — на кулинарные рецепты он плевал.

— Для настоящего маэстро они лишь руководство к действию, — говорил профессор. — Рецепт есть догма, а догма убивает творчество.

Щедро добавляя оливковое масло, он сыпал соль, перец и специи на глаз, не забывая отхлебнуть кьянти из бокала. С поварской ловкостью шинковал петрушку и базилик, иногда перебивая сам себя восклицаниями типа «бениссимо» и «магнифико». Еда получалась действительно вкусной.

Профессор подбирал Полину у антикварной лавки и обычно вез к себе на Ист-Сайд. За такую квартиру запросто можно было заложить душу дьяволу: с мраморным холлом и швейцаром, квартира была на двух уровнях, в гостиной три сводчатых окна выходили на Пятую авеню, слева виднелась колоннада музея Метрополитен, справа зеленой горой вставал Центральный парк. Если лечь в ванну, то в круглое окно были видны верхушки небоскребов мидтауна. Самое удивительное, что в этой квартире никто не жил, иногда ключи выдавались проезжей родне или друзьям, посещающим Нью-Йорк.

Ребекка Лири предпочитала жить за городом, в Вестчестере. Эта квартира казалась ей тесной, город шумным, народ суетливым и неприятным. Ребекка много путешествовала. Она считалась специалистом по Дюреру и немецкому Ренессансу в целом, ее приглашали на всевозможные конференции и прочие мероприятия околожественного характера. В спальне стояла фотография, которую профессор каждый раз незаметно поворачивал к стенке. Там Ребекка снялась на фоне какого-то готического собора, Полина иногда разглядывала ее лицо и совершенно не могла представить эту холеную высокомерную суку рядом с милым Саймоном. Сам профессор говорил, что их семейные отношения давно эволюционировали в дружеское партнерство, при этом Саймон грустно улыбался и гладил Полину по колену. Полина верила и отчасти даже жалела искусствоведку.

Полина понимала тупиковость отношений с профессором, этим апрелем ей исполнилось двадцать четыре, она все еще считала себя достаточно молодой, и будущая жизнь с вероятными детьми и предполагаемым мужем виделась Полине расплывчато и в общих чертах. Гораздо больше ее занимало трудоустройство после получения диплома, впрочем, ясности здесь тоже не было.

Профессор был в отличной форме, разумеется, для своего возраста. Когда он садился на край кровати и стягивал носки, кожа собиралась

в складки, отвисала в неожиданных местах. Особенно уродливыми казались ступни ног, желтые, словно из воска, с корявыми бледными ногтями. На бедре темнело родимое пятно размером с маслину, а от пупка по диагонали вверх тянулся шрам. История шрама так никогда и не прояснилась, Саймон уклончиво ответил, упомянув Ленинград и какого-то Герхарда. Именно тогда Полина решила, что Саймон не всегда был всего лишь профессором.

Любовником он оказался торопливым, иногда эгоистичным, Полине казалось, что Саймон обычно пытается поскорее покончить со всей этой постельной канителью и перейти к действительно приятным делам: к вину, ужину, к разговорам. Но старая школа брала свое — он каждый раз собственноручно раздевал ее, ловко расправляясь с застежками, молниями и крючками, после подолгу занимался ее грудью. Грудь Полины действительно заслуживала внимания, тем более что, судя по фотографии, профессорше похвастать особо было нечем.

От антикварной лавки Саймон всегда гнал по Бродвею, раскручивался вокруг статуи Колумба, одиноко скользящей на колонне в центре тесной площади, потом ехал вдоль парка, сворачивал у Плазы на Пятую. Тем днем маршрут изменился — профессор неожиданно нырнул на первом светофоре направо, спустился к Гудзону и понесся по набережной на юг.

Полина знала правила игры: это какой-то сюрприз, спрашивать бесполезно. Она сползла вниз по сиденью, уперлась коленями в бардачок. Очень хотелось курить, даже не курить, а просто держать в губах сигарету, чтоб огонек от ветра раздувался и горел рыжим, а дым улетал быстрой белой струйкой за плечо.

Она поправила черные очки, потыкала в приемник, нашла какую-то древнюю песню, записанную за год до ее рождения. Саймону тогда было столько же, сколько сейчас ей. Он слушал эту песню тогда, мускулистый, молодой, без дряблых складок и шрамов. Песня звучала точно так же. Пройдет еще лет двадцать пять, и Полина, потерявшая и седеющая, будет куда-то ехать, а по радио опять будут крутить эту песню. Хотя наверняка к тому времени придумают какие-нибудь пилюли от морщин и складок, и вообще двадцать пять лет — это почти вечность. Песня неожиданно рассыпалась испанской гитарой, пронзительно грустной и хрупкой, мелодия потекла плавно: «Ты можешь быть, кем ты захочешь, но для начала стань свободным, стань самим собой».

Все верно, все именно так, Полина переключила канал. Станный механический женский голос зашептал из динамиков:

— ...Ласточки не успеют стряхнуть пыль со своих острых крыльев, но день полнолуния уже близок, Козерог в доме Марса, дева непорочная с серпом, готовым для жатвы. В ту ночь я, Махат-

ма Ас-Гам-Зи, сыграю Лунную сонату задом наперед, что повернет вспять историю рода человеческого, и все грехи людские будут прощены. Для тех, кто...

Полина ткнула кнопку, и странная тетка сменилась разболтанным регги. Боб Марли пел про шерифа, которого он пристрелил в порядке самообороны.

Саймон лихо вписывался в виражи, выставив наружу острый загорелый локоть. Машина взлетела на мост, гулко понеслась под циклопическими стропами с гигантскими гайками. За ажурной решеткой, слившейся в пульсирующий серебристый звон, далеко внизу искрилась вода с игрушечными яхтами. Сзади по берегу торчали терракотовые кубики Гарлема, дальше, почти на горизонте из бетонного марева мидтауна вырастал стальной конус Крайслера. Мост кончился, и они въехали в Квинс.

Пошли пыльные домишки, заборы, промелькнуло кладбище с серым частоколом надгробий, ангелов, крестов. На бесконечной кирпичной стене старого склада проскочила полусмытая реклама давно исчезнувшей компании автошин. Потом пошли корпуса заброшенной фабрики с выбитыми стеклами. Полина родилась и выросла в Нью-Джерси, она по себе знала, что некоторые реки иногда бывают пошире морей, а соединительная функция мостов порой становится унижительной насмешкой.